- Боже, прости грехи раба твоего… - бормотал политик в тишине совершенно пустого храма. Стоя на коленях, он то и дело прикладывался к иконе и истово крестился. Специально в такой час пришёл и попросил открыть, чтобы никто не видел. Нет, на людях тоже бывает, но вот так, искренне, то стеснялся почему-то - …спаси от соблазнов земных и дай сил управлять овцами твоими честно и мудро…

- Хгм – тихий смешок, будто подавился кто, послышался рядом – бред…

Политик встрепенулся от неожиданности, резво оглянулся. В одном из тёмных закутков у западной стены, низенький, сутулый, явно не молодой служка в серенькой рясе, внимательно и аккуратно, расчётливыми и отточенными движениями, подметает полы.

Политик хотел проигнорировать, но всё же – «Надо же, наглость какая?!» - не выдержал, спросил надменным холодным тоном, так чтобы наглец почувствовал с кем общается:

- Вам что-то не нравится?!

- Да как ты вообще власть получил? – опять хмыкнул служка тихо, себе под нос. Впрочем, в пустой, каменной церкви звук сам залетал в уши – С такой-то верой?

- Моя вера искренняя!

- В том-то и дело. Разве можно искренне верить и так грешить? Да какой вообще безгрешный политик или властитель смог помочь людям?! Стал великим правителем?!

- Много святых правителей было…

- Святыми их люди назвали, а грешниками они ещё теми были. А кто из властителей и был безгрешен, так толку от них, как от правителей, никакого не было!

- Это как же понимать? По-твоему, в ад они все попали что ли? Нас, между прочим, народ выбирает, мы ничем не хуже…

- Выбирает народ, а служишь ты вон, богу?! – служка перестал подметать и опёршись локтем на метлу, внимательно уставился из полумрака играющими бликами от свечей глазами – Ему храмы строишь, перед ним на коленях стоишь, у него прощения просишь. А за ад не переживай, ты ж не великий правитель, бог милостив – едкая ухмылка украсила его губы открыв блеснувшую белизну зубов, под показавшимися совсем тёмными провалами глазниц.

- Ты на что намекаешь? Знаешь как великим правителем стать? – политик в отместку натужно хмыкнул, задел его этот тип всё-таки – Эх, жалко, что подметальщиком работаешь – брезгливо оглядел некультяпую фигуру снизу вверх – а то-б показал нам неумехам, а?! Как управлять государством надо?! – и морщась, звонко топая по каменным плитам, направился на выход –

«Как я его?! Все судят, будто это легко, а сами чего власть не берут? Взяли-б да не могут…» - но приостановился, когда услышал бормотание снова взявшегося за метлу служки:

- Может и знаю… Может и покажу… Может и власть дам…

Это прям взбесило политика, подскочил он к служке, схватил за метлу и уставился в его рожу:

- Знаешь?! Покажешь?! Дашь?! – прошипел – Ну так давай! Прямо сейчас! Убедишь, так что хочешь получишь! Ну? Чего хочешь?

- Чего хочу сам отдашь – служка поднял голову и серьёзно посмотрел в ответ – а не отдашь, значит мне это и ненужно – проговорил непонятно. И тут же, когда и руку успел в карман засунуть, вынул две тонкие свечи. Одну протянул политику, на вторую дунул и она сама вспыхнула. И воткнул её в единственный стоящий в этом углу храма, пустой подсвечник, развеяв темноту. После чего повернул голову к стене и задрав подбородок посмотрел куда-то туда.

Политик повторил его действие и точно также поднял глаза, упёршись взглядом прямо в жуткое изображение страшного суда. И будто проваливаясь туда всё глубже и глубже заглядывая в саму геенну огненную…

Инок лет тридцати подошёл к постели больного:

- Звал ты меня крёстный?

- Сам-то ты и не хотел приходить – тяжело ответил тот – умираю я кажись, Алексий.

- Покаяться да причастится духовник есть…

- Не твоя забота! – отмахнулся больной – Что, не любишь меня? Отче – усмехнулся – поди и в рай не пустил-бы?

- То не мне решать – пожал плечами священник – токмо много зла сотворил ты, грабил, убивал, продавал. Поддержал князя Юрия, тогда как другие ваши братья отвернулись от него. А ведь он татар наводил и князя Михаила жизнью своею пожертвовавшего, по его наущению в орде замучили. Злодей он!

- Злодей, злодей… - соглашался больной, слушая эту тираду.

- А Дмитрий Грозные Очи уж не по-твоему ли наущению его убили?! А Александр Михайлович с сыном Фёдором, их кровь точно на твоих руках!

- На моих, на моих… - не отрицал больной.

- А разорённые княжества: Углич, Галич, Белоозеро?! Ростов, наконец! Жаден ты и коварен, а раскаяния в тебе не вижу я. Ради власти да злата душу продаёшь, одно слово «Калита». И не страшно тебе? Что тебе эти блага земные, когда вечность потом мучатся?!

- Страшно, ой как страшно – устало повторил князь. Борода дёрнулась в ухмылке, в глазах что-то мелькнуло такое, жёсткое, непреклонное – и злато мне ни к чему, на мой век хватит. И властью полной не насладится мне, под ордой, под престолом церковным, с князьями что враждуют друг с другом, да со сплошными врагами что окружают нас и только и думают как пожрать. – сейчас инок видел совсем другого человека, хоть утомлённого, но решительного, властного и мудрого – Токмо не свернуть мне уже с пути выбранного!

- Покайся – попросил Алексий, подавшись вперёд – господь милостив. Всё по его воле делается, с молитвой да именем его снова свет православия воссияет и Русь возвеличится.

- Что-то не очень пока получается, али плохо молитесь? – снова ухмыльнулся, неприятно так.

- Несчастья эти за грехи наши навалились – снова инок выпрямился и построжел, понимая, что не доходят увещевания его.

- А за грехи жертва не требуется?

- Вот и жертвуют люди. Животом своим жертвуют, нищетой да унижением! А ты…

- А я душой свой бессмертной пожертвовал! – глаза князя сузились, желваки на скулах надулись.

- Да… - Алексий в ужасе отшатнулся – Да веруешь ли ты?!

- Верую, и знаю, что не увижу дело рук своих. И никакое покаяние не спасёт меня, сколько жизни осталось так и буду лгать, воровать, предавать и убивать во благо страны своей, отдавая тем самым душу свою сатане. Потому как спасение земли этой мне дороже…

- Молчи! Молчи! – Алексий приложил ладони к ушам, но хриплый и дребезжащий голос князя всё равно проникал в голову:

- …Для того я и позвал тебя крестник. Дабы завещать тебе государство, чтобы и ты взвалил на себя сию тяжесть и дело моё не умерло. Потому как одной моей жертвы мало и токмо земной

власти недостаточно…

- Нет! Чур меня, чур… – и будущий митрополит, святитель и чудотворец, хитрый и жёсткий политик, удачливый дипломат, духовный пастырь и мирской властитель, подался назад торопливо вытаскивая золотой крест нательный – не отрекусь от тебя господи…

- …жалеючи себя не спасти народ и страну – шептал умирающий князь вслед – а смертию своею да мученичеством не победить врагов. Верую, найдутся и в будущем такие кто удержит, даже и душу свою положив…

- «А ты как считаешь, стоит душа родины?» – политик очнулся, стоя на коленях перед иконой в совершенно пустом храме, а в руках нательный крестик. Оглянулся, а никого нет. Даже подошёл ближе к той самой западной стене, всё такой же тёмной, как и раньше, потому как никаких свечей тут не оказалось. И на стене еле что разглядишь. Показалось будто чёрт, тот, что поленья под котёл подкладывает, подмигнул, и рожа гнусная, чем-то знакомая. А в голове мысль тихая, крадущаяся, навязчивая – «Или как водится у вас, насытившись богатством и властью, а после спасая покаянием душу свою никчёмную, родину продашь?»

Ничего он не ответил. Вышел вон, оставив крестик свой золотой на цепочке свисать с подсвечника, с той стороны что ближе к стене с изображением страшного суда…

http://tl.rulate.ru/book/55510/1419721